УДК 347.963

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS62990>

Технологизм как суицидный приговор паразитическим цивилизациям

© Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье исследуются три основных аспекта технологизма. 1. Технологизм стал последним божеством, последней религией и последней надеждой западного мира. 2. Технологизм — последняя опора сгнившей паразитической цивилизации, которая сама себе вынесла суицидный приговор. 3. На смену эпохе технологизма может придти — уже идет — социозэпоха (Иноэпоха), основанная на правде, мере и справедливости, подчиняющая этим жизнетворным ценностям асоциальную и античеловеческую агрессию технологизма.

Ключевые слова: технологизм; техномутация человека; социозэпоха.

Как цитировать:

Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Технологизм как суицидный приговор паразитическим цивилизациям // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 1. С. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS62990>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS62990>

Technologism as a Suicidal Sentence of Parasitic Civilizations

© N.B. Shulevsky, E.S. Zotova

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

ABSTRACT: The article investigates three main aspects of technologism: 1. Technologism has become the last deity, the last religion, and the last hope of the European and American worlds; 2. Technologism is the only basis of the rotten European and American parasitic world which passed a suicidal sentence upon itself; and 3. The era of technologism may be replaced (and may have already been replaced) by the socioepoch (the Other epoch) based on truth, measure, and justice, subjecting asocial and antihuman technologism aggression to these vital values.

Keywords: technologism; human technomutation; socioepoch.

To cite this article:

Shulevsky NB, Zotova ES. Technologism as a suicidal sentence to parasitic of civilizations. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(1):9–18.
DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS62990>

Received: 12.01.2021

Accepted: 15.02.2021

Published: 22.03.2021

Все интересы, проблемы, неразрешимости, страхи, абсурды и заботы, экзистенциальные томленья, иллюзорные надежды современных людей обусловлены техникой и вращаются вокруг ее темного эсхатологического ядра; а технологизм, вращая человека на центрифугах рейтингов, поглощает его своим цифровым чревом, выделявая из него полигибридный живоподобный манекен, очень и очень похожий на сказочных монстров типа Чуда-юда, Кощея, сочетающих в себе природные, человеческие, социовластные, военные, виртуальные, информационные, инфернальные и магические свойства. Посредством технологизма современный мир демонтирует все социокультурные структуры, воспроизводившие и сохранявшие до сих пор идеально-смысловую субстанцию человека, проводя деконструкцию и трансгрессию человечности, загоняя людей на путь неведомых искусственных и насильственных мутаций.

У древних эллинов родовидовой тип человека окружали человекоподобные существа — фавны, сатиры, кентавры, циклопы, нимфы, эринии и др. Этот мутационный разброс человеческой субстанции вдохновляет и современных «антропомодельеров» на создание нового вида — человека бессмертного. А техника позволяет любые биогенетические, нейролингвистические, социопатические, психические и телесные манипулирования человеческой субстанцией.

Более того, необходимость самосохранения технологизма вынуждает человека вступить на путь техномутационной эволюции, сметающей любую человечность в формах рас, этносов, наций, полов, все ее идеально-смысловые проявления в религиях, искусствах, науках, философии, устраняя из мира само творческое бытие. М. Хайдеггер увидел в экспансии техники неукротимость судьбы, прокладывающей посредством агрессии технологий свои неведомо роковые пути для мира и людей.

Человек и технологизм схлестнулись в неразрешимом противоречии: современный человек не соответствует прогрессивному саморазвитию техноса, а реальные антигуманные цели и средства, плоды техноса не соответствуют самосохранению человека, который пока пассивно сопротивляется техномутациям, соблазненный «светлым будущим». На кон поставлен родовидовой тип самого человека, определитель его субстанции.

Поэтому от степени постижения сути, телеологии и эсхатологии техники сегодня зависит понимание самой человечности, назначения человека в мире. Агрессия технологизма требует раскрыть неведомые творческие умения и способности человека, таящиеся в идеально-смысловых разрешениях импровизации, которая неподвластна и недоступна никакой технике, ибо родом она из мира софийной мудрости Великой Неизвестности.

Исполнение предлагаемого когнитивного проекта требует выделить в истории человечества три¹ мировых эпохи: *Агроэпоху*, *Техноэпоху* и *Социоэпоху* (*Иную эпоху*, *Иноэпоху*).

Агроэпохе предшествовали времена, названные Золотым веком, в котором жизненные отношения людей с окружающим миром были организованы и упорядочены правдой, мерой и справедливостью. Этот тройственный закон не допускал никаких экологических ужасов. Поэтому история даже не намекает на них. В оптимальном социуме Золотого века доминировали неведомые нам идеально-смысловые технологии, которые обеспечивали все потребности людей без пагубных последствий. Импровизирующее и мыслящее сознание идеальными локаторами находило все необходимое для жизни человека, не прибегая к выворачиванию природы и социума. Вот почему природа вне и в человеке сокрыла свои блага для последующих эпох, а ключи от них спрятала в смысловых тайниках непостижимой идеальности. И сводя идеальное к материи, Богу, психике, цифре и языку, последующие эпохи потеряли ключи мудрости природы. Поэтому были созданы силовые науки и технологии, которые механически, используя хитроумие, взламывают эти замки, получая вместе с благами природы несоразмерные с ними экологические беды из сундука Пандоры.

Сегодня творческие и смысловые ресурсы импровизации и разума наиболее полно использует, пожалуй, лишь криминал, реализующий ее в преступлениях, обходящих и опережающих всю правовую защиту благих институтов человечности.

Роковой тайной укрыт Золотой век². Но он не канул бесследно в Лету и не исчез безвозвратно в мусоре истории, а ушел в *навь*, ожидая банкротства своих тщеславных суицидоотрицателей. Да и благодарная память сохранила его идеально-смысловые ценности, образцы социума, вещие предупреждения в мифах, в фольклоре, в утопических проектах материально умеренной и духовно богатой жизни.

Какая же сила сумела разрушить Золотой век?

Это мог быть только и только технос, который нарушил баланс морали и силы в пользу бездумного, бесконтрольного и пагубного любопытства знания. Остатки пирамид и городов, разбросанных по всему миру, критский лабиринт, циклопические кладки косвенно говорят

¹ Пифагор постоянно поучал: «Узрите треугольник, и проблема на две трети решена. Все вещи состоят из трех» [1, с. 224]. Но одна треть решения любой проблемы все равно остается за человеком. (У Гегеля число «три» выражает сущность Духа.) Для Аристотеля «три» есть число человеческое; сама природа вещей подсказывает число «три», ибо все вещи мы воспринимаем через начало, середину и завершение, а продолжение вне нашего разумения.

² Ф.М. Достоевский писал: «Золотой век является самой невероятной мечтой среди других, о которых когда-либо мечтали, но люди отдают ей всю жизнь и все силы; за нее убивали людей и умирали пророки, без нее не могут жить народы» [2, с. 13–14].

о роковой роли техноса в крушении Золотого века. Память о силе и мощи осталась, а о смысловых и моральных памятниках помнит лишь язык.

Но еще большую достоверность о зловещей роли самодовлеющей техники представляют мифы наступившей после отступления Золотого века агроэпохи, ограничившей вплоть до запрета автономия техники. Странно, но агроэпоха предпочла тяжелый крестьянский и ремесленный труд, опасное мореплавание, даже рабство, но не приняла троянские дары техноизобилия, ведущего к гибели, ибо технос отучает человека быть человеком и приучает быть живым мертвецом в чреве машин.

Так, древние эллины с опаской относились к технике, к ее изобретателям, подозревая в них суицидную угрозу самой жизни, хотя науки, металлургия, механика были готовы запустить технопрогресс. Они оставили нам суровый, предупреждающий миф о Дедале и сыне его — Икаре. Дедал — универсальный технар, скульптор и механик: изобрел пилу, топор, бур, средства обработки мрамора и др. Но его родственник вскоре начал превосходить своего учителя, который из зависти убил его. И эллины этого техногения изгнали из страны. Принял его критский царь Минос. А зря! Пасифая, жена Миноса, «влюбившись» в быка, упростила Дедала изобрести для «влюбленных»³ станок, в котором их «страсть» породила Минотавра — бычочеловека. Для сокрытия ребенка Дедал изобрел критский лабиринт, из которого никто, попав в него, уже не мог выйти. Для побега с Крита Дедал сделал для себя и сына Икара крылья, на которых они улетели от извращенной царицы. Но Икар не рассчитал высоту полета, и жар Солнца разрушил его крылья, он погиб. После трагедии Дедал уничтожил все свои изделия, проклял себя, свои технические умения и тайно покончил с собой. Бездумное изобретательство (а другим оно быть и не может, ибо не ведает последствий своих открытий), убийство, преступления, извращения и разрушения человечности — вот что видели (знали?) древние эллины в технике, хотя некоторыми ее аидными плодами и пользовались.

И лишь Западная Европа сделала технопрогресс основой своей рабовладельческой экспансии. Правда, была еще Атлантида, создавшая уникальную

техноцивилизацию; легенда гласит, что атланты беззаботно экспериментировали даже с гравитацией; но в итоге все их технотрудности привели их к техносуициду, и континент исчез в океане. Феномен Атлантиды — гипотеза, а вот ее технократизм живет и продолжает дело пропавшей Атлантиды. Ф. Бэкон написал трактат «Новая Атлантида», в котором создан проект общества техноатлантов, очень похожего на США. И НАТО взывает к всемогуществу техники, которая якобы даст ему власть над миром.

Но вопрос о сути, смысле, целях, последствиях техники и тотальной технизации социума — это вопрос о сохранении человечества, его культуры и смыслового жизнебытия. Древние империи и культуры агроэпохи открыли порох, металлургию, кораблестроение, навигационные приборы, химию, письмо, бумагу, математику, технологии, которые могли дать старт техногенному развитию, но прозрения их метафизической мудрости воспрещали это делать. Они использовали отдельные элементы техноса, но в целом не сделали его двигателем своей жизни, хотя азбука техногенной эволюции у них была. Были и неведомые нам чистые технологии, которые не смогли уже удержать деградирующих людей от неправды, безмерности, несправедливости, от извращений, требующих античеловеческого техноса.

И верность традиции не спасла эти культуры от порабощения техносом Европы, а то и вовсе, как этносы доколумбовой Америки, просто их уничтожила, часто ради развлечений. И перед угрозой гибели они были вынуждены принять технодиктат Европы, скрыто раболепствуя перед Его Величеством Техносом, служить ему сырьем, демографией, пытаясь как-то совместить мудрость традиции с техногенным прогрессом.

Возникает историческая неразрешимость. Ограничения техноса угрожают прямо (оружие) и косвенно (болезни) жизни, а зверь, сидящий в человеке, алчет устроить посредством технологизма культ каннибализма. Но и тщеславный культ техники порождает технократического человекобота (*Homo faber*), а то и вовсе стремится избавиться от него, сделав его сырьем inferнальных экспериментов. Без техники для людей — беды и тупики, а всевластие технопрогресса делает их помехой самим себе.

Софийное сознание России давно раскрыло антижизненные интенции техники, суть, энтропийную и суицидную «экзистенцию» машины. Впечатляюще изобразил демоническую суть технологизма А.Ф. Лосев в «Приложениях» к своему фундаментальному труду «Диалектика мифа».

«В машине есть нечто загубленное, жалкое и страдающее. Когда действует машина, кажется, что кто-то страдает. Машина — не целомудренна, жестока, внутренне опустошена. В ней какая-то принципиальная бездарность, духовное мещанство, скука и темнота. Есть что-то нудное и надоедливое в потугах машины заменить жизнь. Она есть глубочайший цинизм духа, ограничение средними

³ Но теперь за изобретения Дедала взялся научно-технический прогресс. Бешеным спросом в США пользуется секс-робот Генри, который не нуждается в пище и одежде, в допингах, жилплощади и выполняет не только сексуальные функции, но и беседует, приветствует гостей, обсуждает телешоу, фильмы. Не чужды роботу и романтика, поэзия, искусство. Генри снабжен программой, придающей ему желаемый запах тела и духов. Фирма гарантирует технико-медицинское обслуживание Генри в режиме скорой помощи, действует гибкая система скидок на его услуги, имеется аренда (секшеринг). С учетом погрешностей опроса 71% мужчин и 50% женщин в США готовы заменить живое естественное общение полов секс-роботом. Bravo, Америка! Так держать — вскоре Генри станет роботом-президентом мира и покажет всем кузькину мать! «Бедная и убогая» Россия! Никогда тебе не создат секс-робота Ивана, мастурбомашину, хотя в России бытуют антирусские симулякры биосекс-роботов.

штампованными и механическими вещами. Сердце говорит, что, когда действует машина, кого-то родного, близкого бьют по лицу. Машина — антипод всякого творчества, удушение живого ума, очерствение и потемнение чувств. Кто-то здесь проливал слезы и убивался, как плачут и страдают на могиле дорогого покойника. Могилы и мещанством, завистью на все гениальное и человеческое веет от машины. Машина неблагодарна и груба. В ней видится озлобленное лицо бездарного мещанина, заехавшего, при помощи кулаков и палки, стать гениальным. Машина — остервеневшая серость духа, жестокая и лживая, как сам Сатана. От нее темнеет на душе и тяжелеет в груди. Хочется бежать от этого чудовища и ничтожества одновременно, бежать, закрывши глаза и закрывши уши, бежать неизвестно куда, лишь-бы скрыться от этого человеческого самооплевывания, от этого духовного смрада и позора, от этой смерти. Хочется воздуха, воды, синего неба, хоть одного кусочка синего неба. Хочется в пустыню, в отшельничество, на край света, только-бы не видеть этих колес, этих труб, этих винтов, не слышать этого собачьего лая автомобилей, дикого звериного вопля трамвая, не дышать этим сатанинским фимиамом фабрично-заводского воздуха.

Самодовольное пошлячество физика и естествознания, уверенного, что души нет, а есть мозг и нервы, что Бога нет, а есть кислород, что царствует всеобщий механизм и его собственная ученая мещански-благополучная, дрянненькая душонка, вся эта смесь духовного растления и бессмысленного упования на рассудок, есть одно из самых ужасающих чудовищ» [3].

Увы, уважаемый Алексей Федорович! Все верно до последней запятой. Но как засоленные огурцы не могут возвратиться в свое несоленое состояние, так и современное человечество уже не может не то, чтобы возвратиться к натуральному хозяйству, но даже хотя бы создать общество, в котором машины выполняли бы свои узкие технические функции, не вытесняя собой цели, смыслы, ценности самого человека.

В машинах яростно действуют и работают плененные демоны, падшие духи, преисполненные энергиями свободной мести. Их нужно не отрицать, а использовать в благих человеческих и природных целях ради превращения энтропии в средство обогащения бытия, а не его разрушения; нельзя позволять им работать автономно, используя человека как сырьевую прислугу. Но трудно изменить сервис технократической гибели. Это под силу лишь апокалиптике софийной мудрости Великой Неизвестности.

Гегель в фрагменте «Феноменологии духа» — «Диалектика раба и господина» — показал, что раб может обрести лишь искусственную свободу и только посредством искусственных средств — техники. А самооплевывание, растление людей, смердяковскую зависть, мечтающую с помощью машин стать генитальным деспотом, Гегель принимал за естественное зло.

Но автором и двигателем технизации жизни Гегель все же считал рабское сознание, слепленное из лукавства и хитрости, которые посредством техники стали орудием порабощения всего человечества, превращая людей в жертвенный скот технического суицида. В машинах действует, требует жертв абстрактность падших духов, ненавидящих идеальность. И рабы, создавшие машины, обрели не свободу, а бесконечную муку, спасаясь от нее ими же изобретенной эвтаназией. И все же гробовые сороки, гейтсы исчезнут в дистанте, ибо кто с дистантом к нам придет, от него же и сгинет.

Техноэпоха, достигнув пределов своей экстенсивной экспансии в высотах, в глубинах, в скоростях, в умножении ложных потребностей и бессмыслицы, перешла к интенсивному мутированию всего социума, жизни, природы, человека, разума, сознания, бессознательно-го... Технологизм стал деспотом и манипулятором генетики, человечности, социальности, политики, гносеологии, науки и понимания, вызывая мутации, способные достичь вождельного совершенства в клонировании нужных ему искусственных людей.

Вот только смысловые коды метафизики и духовные коды софийной премудрости недоступны технологизму. Поэтому свой взлет и последний полет технологизм завершит в интернет-капищах искусственного демонизма, который и становится подлинным проектантом и строителем нового бытия-истории, сверстанного по асоциальной матрице уже исчерпавшего себя инфернализма.

И... в то же время технологизм порождает новую апокалиптическую энтропию, которая неизбежно превратит его в новый мусор Преисподней. Этого не может не быть, ибо свое отрицание агроэпохи, ее человечности, он вынужден завершить отрицанием питающего его основания, отрицанием и самого себя.

Поэтому гуманитарный гнозис изначально заметил угрозу в бесконтрольном автономном развертывании технологизма, выразив свое мнение-приговор в мифах об Икаре и Прометее⁴. Безудержное развитие технологизма неизбежно завершается его безумными самоубийственными проектами, решениями и социальными мегаструктурами, в которых человек для выживания должен отказаться от Родины, от своей этнической принадлежности, от семьи и даже от своего... пола и от самого себя. Восточные культуры уже на социально-генетическом уровне заблокировали превращение технологизма в основного конструктора и созидателя общества и человека, хотя под угрозой технологической экспансии Запада и в целях самосохранения они вынуждены были принять основные аксиомы и плоды технического прогресса, пытаясь (напрасно!) подчинить его своим сакральным контекстам.

Европейский гнозис уже давно говорит о технологизме в контексте демонизма, имея в виду его неотвратимо

⁴ Аукнулось Прометею его бездумное число, подаренное людям и ставшее сегодня цифровизацией.

растущую власть, порабощение, радикально погромную трансгрессию (внешне пока не очень-то заметную!) человечности. Начиная с Франкенштейна, техномонизм вытеснил ее из европейской культуры, приверженной «синергии» с гуманным Мефистофелем. Призрак технолога, ищущий живого воплощения в искусственных людях-роботах, бродит в западном мире. И это не отрицательный антитехноантропоморфизм мифов, не эзотерические проекты, ибо технолизм действительно пытается создать социум и человека по технократическим шаблонам, в которых нет и не может быть человечности.

Честные исследователи с недоумением отмечают, что даже в плане эффективного решения потребительских задач человека технолизм оказывается антипродуктивен, порождая неразрешимые проблемы и фиктивные решения. Чисто технологические решения социочеловеческих задач — это тупиковый путь жизни, ибо те же проблемы (обеспечение людей пищей, жильем, средствами связи, передвижения и др.) длительное время решались с помощью ремесленных искусств, не создававших социальных, экзистенциальных, антропологических и экологических проблем.

Ж. Бодрийяр критикует технократов, заявляющих: «Как на каждый день в году есть свой святой — так и для каждой проблемы есть своя вещь; главное — в нужный момент изготовить ее и выбросить на рынок» [4, с. 138–139]. В техноэпохе «машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич. ...Механическая организация зачастую представляет собой временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации. ...Машина приводит к отмиранию функций, граничащему с параличом» [4, с. 143]. Техника, вынуждая человека служить неживому, упрощает его, отучает его от жизни, учит его самогеноциду. «Фактически свершилась настоящая революция быта: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Вещи делаются все более, а наши жесты — все менее дифференцированными. Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен: отныне он — пустая форма, открытая для любых мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью технического мира» [4, с. 64]. Убийственная оценка технолизма западными гуманитариями, узревшими роковой конец людей, гласит, что «применение техники... играет роль отвлекающего средства и воображаемого решения проблем» [4, с. 137].

Итак, для технолизма человек — это всего лишь материал для фантастических проекций в него новой техники! А кто же будет оценивать качество и дизайн «фантазматических» клонов? И все же, несмотря на бесплодие и мнимое, отвлекающее, даже тупиковое

решение проблем людей, несмотря на отрицание человечности, становящейся пустой формой, технолизм уверенно навязывает свои омертвляющие шаблоны человеку, бытию, познанию. И западный мейнстрим соглашается с трансгрессией человечности, принимая к исполнению техническое хакири человечества, видя в этом якобы свободное решение человека стать нечеловеком.

Так, Ж. Бодрийяр трактует современный технический прогресс даже как возмездие материи идеальности, которая чинит над ней насилие. Поскольку материя постоянно насилуется идеальностью, она полна жадой мести и реализует ее через виртуальность, которая берет на себя все функции идеальности. Виртуальность становится искусственной, технологической идеальностью. Но виртуальность — это не идеальность, не материя, а абстрактная ткань inferнального мрака, который проклятые потомки Каина превращают в призраки жизнеподобных реалий.

Ж. Бодрийяр полагает, что так называемые «современные люди» живут в эпоху, когда конец технизированного Запада уже наступил, когда будущее слилось с настоящим; они живут после конца и после будущего — в обратном отсчете времен. А что же будет после конца и обратного отсчета?

«По ту сторону конца располагается виртуальная реальность, обязанная своим существованием некой программе особая действительность, в пространстве которой все, чем мы обладаем, как то: память, чувства, мышление, а также сексуальность и способность к труду — все это шаг за шагом превращается в нечто совершенно бесполезное. По ту сторону конца, в эпоху трансполитики, трансэстетического и транссексуального, все наши машины желания становятся машинами на холостом ходу, механизмами, работающими абсолютно впустую. Режим обратного отсчета не что иное, как режим неизбежного исчезновения мира» [5, с. 128]. «Виртуальное — это сфера, где нет ни субъекта мысли, ни субъекта действия, сфера, где все события происходят в технологическом режиме. В виртуальном мире уже нет ценности — здесь царствует простая информативность, просчитываемость, исчислимость, отменяющая любые эффекты реального. Виртуальность, похоже, предстает перед нами в качестве горизонта реальности, подобного горизонту событий в физике. Виртуальная реальность, будучи „абсолютно гомогенизированной“, „цифровой“, „операциональной“, в силу своего совершенства, своей контролируемости и своей непротиворечивости заменяет все иное» [5, с. 31]. Именно благодаря своей квазиидеальности виртуальность является более реальной, чем реальность материи. Бодрийяр называет виртуальность даже гиперреальностью, которая вытесняет старую добрую реальность. «Теперь виртуальное есть то, что идет на смену реальному и знаменует собой его окончательное разрушение, поскольку, делая

вселенную предельной реальностью, оно неизбежно подписывает ей смертный приговор» [5, с. 31].

Тогда зачем критиковать натуральную идеальность за насилие над материей, объявлять идеальность преступником, если собственное же идеальное дитя материи — виртуальность — угрожает своему родителю гибелью?

Но Бодрийяр уже стал жертвой технологизма, вещая его директивы: «Сегодня наблюдается ничем не прикрытое влечение к виртуальному и связанным с ним технологиям. И если виртуальное действительно означает исчезновение реальности, то оно, вероятно, есть пусть и плохо осознаваемый, но зато смелый выбор самого человечества: человечество решило клонировать свою телесность и свое имущество в другой, отличной от прежней, вселенной, оно отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном. Не в этом ли смысл виртуализации?» [5, с. 31–32]. И главное — только бы не забыть об имуществе?

Нет, уважаемый ученый философ! Назначение виртуализации состоит в том, чтобы увести бытие и человека в мир энтропийных симулякров, закрыв им возврат в их идеальный, родной дом, где царят смысл, справедливость и правда. И не добровольное это отречение человека от самого себя. Но пока эта цель виртуализации лишь в начале своей реализации, и ее скрытое бессмыслие угадывают лишь немногие.

Какая же сила позволяет технологизму переделывать бытие, социум и человека вопреки очевидной и зловещей пагубности его решений и практики даже для него самого?

Постижение первичных детерминант исторических событий, изменений разума и сознания коренится в метафизике софийной мудрости Великой Неизвестности, действующей посредством софиасофии (подробнее см. [6]). Да и выход из тупиков труда-насилия, робототруда и псевдотруда-развлечения может быть найден только на путях хозяйственного творчества как естественной игры-импровизации физических, умственных, технических, нравственных и сакральных сил, в нравственной жизни, исполняющей правду, меру и справедливость софийной премудрости.

Научно-технический прогресс, будучи сам абстракцией от целостности исторической жизни, запустил процесс созидания искусственно-абстрактного мира и столь же искусственно-абстрактных людей. Какова цель этого поистине демонического проекта? Почему же «новые русские» по-старому постоянно влекутся на Запад, хотя жизненное горение у них кончается там вместе с деньгами? Пороки что ли там обильнее и слаще?

Софиасофия раскрывает глубинный целостный и сакральный смысл созданного капитализмом технологизма, его inferнальные истоки, в которых следствия

предшествуют причинам. Технологизм в этом плане не земная причина, а следствие метафизической причины.

Эмпирически промышленность создает товары для людей, прибыль для капитала и «плоть» для золотого тельца. А по сути ее технологии строят мост между падшими духами поднебесья и дьяволом, заточенным в бездне. Причем «стройка» идет с разделением труда: лукавый всячески стимулирует изобретение новых технологий, которые помогут ему самостоятельно выбраться из заточенья, а люди с помощью демонов строят апокалиптический мост для себя, чтобы с карнавальным воодушевлением бездумно переходить из «адского огня» да в «ядерное полымя».

И судя по тенденциям саморазвития науки, по резко падающему ее статусу этот inferнальный мост сегодня уже почти построен. Сейчас идет его дизайнерское оформление посредством цифровизации.

Цифровизация, вернее, цифровая революция должна выполнить три задачи в дизайнерском превращении мира людей в мир технотронного «человеиника» (А.А. Зиновьев): 1) осуществить цифровую эвтаназию науки, очистив ее посредством цифровых рейтингов от любой гуманитарности; 2) создать технологии, порабащивающие ум и сознание, превращающие их в механизмы; 3) и высшая цель — совершить цифровую мутацию человека, превратив его в двухмерного (!) цифровека.

Каков алгоритм цифровой эвтаназии науки? Содержательно-смысловая, когнитивно-творческая оценка науки и ученых сегодня заменяется их массовым цифровым рейтинго-клеймением наподобие скота, который сортируют перед отправкой в соответствующие конвейеры на бойню. Уже вполне прижилось выражение: «Конец науки».

Многие ученые понимают, что в цифровизации речь идет вовсе не о новом этапе развития науки, даже не о ее волнообразном естественном упадке. Речь-то идет «о вполне научно обоснованном и вполне осознанно практикуемом переводе науки в разряд никому не нужного симуляционного хлама, ежели не о целеположенном ее умерщвлении» [7, с. 432]. Понимать-то понимают, но сами ученые и вершат эвтаназию науки своими компьютерами, руками и опустошающимися от бесцельной и бесполезной работы мозгами.

И не столь уж важно, является ли античеловеческая агрессия технологизма элементом сакральной эсхатологии или же она разворачивается с Божьего поущения. Исход один и тот же — изведение человечности при сохранении для неведомых целей биосоциодушевного субстрата людей, их человекоподобных симулякров с запасом человековидных масок и рукавиц.

Агрессивная атака технологизма и цифрофашизма против науки, человека и гуманизма началась с ядерного и химического оружия, сделавшего людей своими заложниками. А сегодня уже «идет великая

онтологическая революция: не Технос теперь среди Хомоса — как потребное Хомосу неприродное подспорье, а Хомос тут прямо во чреве Техноса — как непотребный природный атаканизм. Нынешняя технологическая революция — не так новый качественный скачок в технологизме, как мощнейший переворот в человеке, в обществе, во всей человеческой экзистенции» [7, с. 433, 446]. Эта революция превращает всю техноэпоху в Великую антигуманную войну, которую ведут люди против самих себя, одержимые райскими благами и благом всех благ — бессмертием, которое якобы даст им ультратехнологизм.

Человек создаст оцифрованный технологизм как оружие своего властвования в мире, но эта власть не будет прочной и долговечной: таящийся в технологизме демон энтропии смутит человека в техноживое орудие смерти. Но даже победа технологизма и превращение человека в техноида, в техновека, в двигатель своего развития тоже непрочно и недолговечно. Куда он будет развиваться? Только к своей техноэтаназии, ибо гуманизм он отвергает, а в самом себе технологизм содержит лишь вектор самоотрицания.

В софиасофском творчестве Ю.М. Осипова очень точно и глубоко раскрыт *«технологизм как последняя религия и конечная надежда прогрессивного человечества»* [7, с. 447], реально превращающая христианство в антихристианство. А любая религия зиждется не столько на Боге, сколько на Рае и бессмертии. И человеку не столь уж важно, кто эти ценности ему гарантирует — Бог или дьявол (дегенераты). Но в любом случае онаученная вера в новую технику, в новый технологизм — страшная всепоглощающая сила. «А там, где вера, там и... самоубийство!» [7, с. 445].

Технологизм неизбежен, и ничто его не остановит, кроме мира Иного. Да и перемены никто и никак не остановит, ибо в них и посредством них действует благотворящая импровизация скрытого субъекта мира Иного, ищущего своего адекватного воплощения. Если отпор ходу мира Иного чрезмерен, то препятствия сметаются войнами. Сегодня война может быть только суицидной, а посему она пока оттягивается. Но других средств действия Запад не знает, ибо война создала его согласно проекту Гераклита, который утвердил в ментальности Запада принцип: «Война — бог, отец всех вещей...». Поэтому Запад в критических ситуациях действует негативно, создавая диктатуры и революции, которые затем их заводил и уничтожают.

Сегодня Европа цепляется за Антисебя, за Антимир, за Антибытие, которое насилием навязывается всему миру. Посредством цифры и технологизма приходит Антимир, уничтожая поле жизни. А Европа надеется на новую техническую революцию, которая-де устраним неразрешимости ее бытия. Но тайны не даются машине и числу; они открываются живой софийной мудрости. Поэтому никакая техника ни на шаг не приблизит нас

к истине, ибо она призвана заменить истину и человека механическими симулякрами, бездной хаотического самоотрицания.

И только софиасофская метафизика раскрывает глубинные причины изменений, охватывающие дух человека, запускает поисковые импровизации, создающие новые смыслы для новых решений уже мира Иного. Софиасофия видит исчезающую сущность технологизма в том, что он представляет собой последний, загнивающий, паразитический и летально-инфернальный этап мутации, трансформации и трансгрессии человека.

Почему последний и почему инфернальный?

Да потому, что в контексте и посредством технологизма человек занимается производством смерти, сам превращает себя в материю смерти, становится ее инфернальным субъектом. Создавая машины, технологии, человек творит неживые конструкторы, которым он пытается дать искусственную жизнь, что ему отчасти удается. Да, технологизм служит человеку, выполняет нужные ему (но чаще всего — ненужные!) работы.

Но какова цена этих техноблаг и техноуслуг? Ведь ежели сколько чего-то в одном месте присовокупится, то в другом месте столько же отсовокупится (или же — действие вызывает равное ему противодействие; и даже энтропия в России вызывает равную ей антиэнтропию). Человек посредством технологизма творит неживое гигантское тело, проявляющее признаки организма, а технологизм посредством человека превращает живое в неживые и в квазигивые органы этого организма. Не избежать такой участи и людям, которых технологизм постепенно и незаметно, но неотвратимо превращает в своих рабов, в расходные материалы. И люди (да и капиталы) живут сегодня только для того, чтобы умножать «плоть» технологизма, чтобы превращать его в живообразного монстра со своей волей, интеллектом и желаниями. Каждый шаг вперед по совершенствованию технологизма есть шаг по пути деградации, потери человечности и всех достижений денежных людей-люденев.

Извращена сама сущность познания, посредством которого человек губит природу и самого себя. Ведь все познанное и превращенное в абстракции теряет смысл, становится безжизненным, теряет способности к сопротивлению, что сразу же подхватывают технологии, воплощая познанное в мертвых машинах, которые добывают живую материю.

Требуется радикальное преобразование познания, которое должно порождать смысловые обобщения, а не абстракции. Но техноэпоха создала тип человека, нуждающегося в машинах и способного существовать только в техномире, а конец этой эпохи может стать концом современного человечества. Хотя мелкие регионы могут сохраниться, восстановив простейшее натуральное хозяйство, но это только в том случае, если крушение техноэпохи не вызовет всеобщего ядерно-экологического

коллапса. Но возмездие идеальности неотвратимо, и оно свершится самой же техноэпохой, которая и осуществит великолепное отрицание себя, своих творцов.

И только Русь-Россия и ее софиасофия посредством своих импровизаций хранят в себе смыслы естественного, сакрального, искусственного, inferнального познания, опираясь на Премудрость Софии, на мудрость волхвических прозорливцев, на первое проторусское Слово... Поэтому только Россия сохраняет шансы создать гуманный полигибридный технологизм с российским искусственным интеллектом, управляемым из подотчетного национального центра.

Техноэпоха содержит в себе как бездумное восстание человека против природы и своей собственной природы, войну против самого себя и естественного мира, так и отчаянно дерзкое безудержное стремление посредством технологизации преобразить природу и самого себя в технотронный Золотой век, который одарит его беззаботной вечностью.

Время триумфа технологизма, как и всякого триумфа, недолгое. Достигнув в технологизме вершины, пика своих творческих дерзаний, человек пришел в то же время к какому-то не очень хорошему своему концу и дал старт еще более нехорошему какому-то началу. Цифра и технотронная матрица отмеривают каждый шаг и каждый вздох существа в маске и без маски. Маска — важный шаг на пути обезличивания человека и уничтожения образа лица, ибо в масках все люди выглядят одинаково.

И хотя демоническая цивилизация набирает обороты, сломив первую линию обороны фронта человечности — живое общение, заменив его «дистантом», этой антигуманной эпохе все же зачем-то нужен человек — пусть он будет даже с печатями естественности и сакральности, с чипами искусственности и клонирования. Видимо, какой-никакой человек демоническому технологизму нужен для физического своего окормления, без чего он перейдет в фазу техноэвтаназии. Без человека мудрствующего ультратехнологизм, даже ставший религией, не может работать.

Техноэпохой бытие, история, человек не завершаются; их продолжением станет *социоэпоха* (иноэпоха), в которой Великая Неизвестность выражает свою мудрость и волю, актуализируя свой мир Иной, в котором правят *правда, мера и справедливость*. Мир Иной является субъектом изменений (превращений, преобразований, развития) и посредством изменений-перемен гонит, принуждает все реалии бытия-истории становиться иными или же исчезать в своей же энтропии-эвтаназии. Перемены никто и никак не остановит, ибо в них и посредством их выражается и действует благо-творящая импровизация скрытого субъекта мира Иного. Иное в творческом плане есть импровизация, ставшая идеально-духовным перво двигателем, наставником и смысловым вдохновителем ума и сознания. Присущая ядру русской жизни импровизация представляет дух

софийной мудрости, ее благую плодотворную свободу, ее идеальный орган, выявляющий, творящий, защищающий, сохраняющий смыслы, озаряющие своим светом бытие и человека, утверждающие их служение Великой Неизвестности. Импровизация есть софийный покров России, охраняющий ее непознаваемую неизвестность. Русофобия как раз и питается этой неизвестностью России, подтверждая своей агрессией ее таинственное бытие.

В западном мире доминируют Логос, логика, оттеснившие импровизацию на периферию ментальности, которая без нее превращается в механизм, заменяющий идеальное и духовное творчество. И постмодернизм, отрицая логоцентризм, резонно заменяет истину постигнутой. Или же импровизацию незаметно приватизировал inferнальный субъект, который использует ее для создания новых пороков, новых агентов суицида.

Россия живет в Неизвестности, посредством Неизвестности и ради софийной мудрости Неизвестности, которая охраняет и сохраняет ее во всех известных и неизвестных переделках мироздания. «Умом Россию не понять!», ибо Премудрость Софии создала ее целиком из субстанций незнания, ничто, тайны, поместив ее в мир Иной, отчасти доступный и кое-какому пониманию. Поэтому Россия, как и Неизвестность, непобедима и неуничтожима. Тайна мира Иного — порождающее лоно, повивальная бабка, воспитательница, перво двигатель России, ее основное средство и смысловое одеяние, ее целевая причина, энтелехия. И эту тайну метафизические спецслужбы софийной премудрости приоткрывают посредством правды, меры и справедливости мира Иного. Ибо только метафизика, охватывающая ум, сознание, цели человека, запускает поисковые импровизации, создающие новые смыслы для новых решений.

России, пройдя благодаря софийной мудрости свое самоотрицание, теперь остается лишь путь самоутверждения, возрождения своего родового мира Иного, в котором царят правда, мера и справедливость, реализуется смысловое освоение софийности человека и бытия.

Софиасофия и философия хозяйства утвердятся вместе с миром Иным после того, как самоотрицание существующего мира и человечества, его культуры, религий, технологий достигнет необратимой апокалиптики, когда не будет других самодостаточных автономий, кроме мира Иного, направляемого мудростью Великой Неизвестности, освоение которой стало судьбой, сутью, целью, назначением и эсхатологией России.

Объективный ход событий возвращает сегодня Россию в Россию, к самой себе, в свой мир Иной, но уже не посредством славянофильства или какой-либо другой социально-экономической или религиозной «модели», а посредством софиасофского мировоззрения, которое осознанно выражает идеологию, доктрину, сакральную метафизику, философию хозяйства софийного движения России к самой себе. Софиасофия показывает глубинные

первоначала, устремления, проекты русского Духа, который, внимая софийным императивам Великой Неизвестности, утверждает правду, меру, справедливость и совесть человечности, ограждая человека от аскетизма и гедонизма, которые в итоге дают один и тот же результат — отрицание жизнепродолжения. И наиболее адекватное выражение этот невозможный мир Иной ищет в Руси-России, предварительно испытывая ее всеми кругами лжи, безмерности и несправедливости, дабы исчезла о них даже память. Ибо доселе наш мир Иной еще не противостоял всему «тутошнему» миру! Но софиасофия не случайно открылась в России, ибо в ней и за ней стоит социозэпоха (мир Иной), владеющая тайнами благой и нормальной жизни.

Человечество испытало все блага и пороки, даже гибель в потопах и пожарах. Но урока мудрости мира Иного не извлекло. А Русь-Россия, пройдя через все невозможности и утопии бытия, вынуждена самой своей субстанциальной натурой и софийной мудростью открыть врата правде, мере и справедливости для созидания *социозэпохи*, которая сведет сакральность, землю, человека, технос, виртуальность в единый жизненный ансамбль импровизации, творящей благо и только благо для мироздания и его обитателей. Только при таком размахе крыльев мудрости с появившейся в России софиасофией можно найти спасение от объятий техноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: В 2 т. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1992. 367 с.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Золотой век в кармане // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 13. М.: Наука, 1994. 542 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. 559 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
5. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 200 с.
6. Шулевский Н.Б. Софиасофские горизонты России. М.: Зерцало-М, 2020. 368 с.
7. Осипов Ю.М. Метафизика. Код доступа. М.: ТЕИС, 2019. 455 с.

REFERENCES

1. Holl MP. Enciklopedicheskoe izlozhenie masonskoj, germenicheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejcerovskoj simvolicheskoy filosofii: V 2 t. T. 1. Novosibirsk, 1992. 367 p. (In Russ.)
2. Dostoevskij FM. Dnevnik pisatelya. Zolotoj vek v karmane. Sobr. soch.: V 15 t. T. 13. Moscow: Nauka, 1994. 542 p. (In Russ.)
3. Losev AF. Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa». Moscow: Mysl', 2001. 559 p. (In Russ.)
4. Baudrillard Jean. Sistema veshchej. Moscow, 2001. 224 p. (In Russ.)
5. Baudrillard Jean. Paroli ot fragmenta k fragmentu. Ekaterinburg, 2006. 200 p. (In Russ.)
6. Shulevskij NB. Sofiasofskie gorizonty Rossii. Moscow: Zercalo-M, 2020. 368 p. (In Russ.)
7. Osipov YuM. Metafizika. Kod dostupa. Moscow: TEIS, 2019. 455 p. (In Russ.)

ОБ АВТОРАХ

***Николай Борисович Шулевский**, доктор философских наук, профессор; e-mail: shylevsk@mail.ru

Елена Серафимовна Зотова, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник; e-mail: eszotova@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

* **Nikolay B. Shulevsky**, doctor of philosophical sciences, professor; e-mail: shylevsk@mail.ru

Elena S. Zotova, candidate of economics, leading researcher; e-mail: eszotova@mail.ru